

РУССКИЙ ФЛОТ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1761 ГОДА

Ю. М. Попов

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 27 февраля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются события, связанные с участием флота в борьбе за Кольберг в 1761 г. Автор обращает особое внимание на причину превращения вспомогательного направления действия русской армии, каким являлась осада этой приморской крепости, в главное, от которого зависела судьба всей войны.

Ключевые слова: крепость Кольберг, задачи флота, союзнические отношения.

Abstract: the article discusses events related to the participation of the fleet in the struggle of Colberg in 1761. The author pays special attention to the cause of the transformation sub-activity, actions of the Russian army, which was the siege of this coastal fortress, in the main, on which depended the fate of the war.

Key words: fortress of Colberg, navy tasks, alliance.

Внешнеполитическая деятельность правительства России в первой половине 1761 г. привела к осуществлению задуманного – продолжению боевых действий странами-союзницами с целью нанесения решительного поражения Пруссии. Одновременно решался вопрос о плане военных действий на предстоящую кампанию. И к маю российской стороной такой план, выгодный с ее точки зрения, был разработан и отослан для согласования в Вену. Посол Эстергази передал ответ венского двора канцлеру Воронцову, и в рескрипте от 9 мая 1761 г. было объявлено, что «Ее Величество императрица-королева (Мария-Терезия. – Ю. П.) без всякого малейшего изъяснения приняла наш план военных операций и все требования наши без изъяснения» [1, л. 378]. По настоянию российской стороны командование австрийской армии было поручено барону Лаудону, чего, кстати, не хотела Мария-Терезия, но вынуждена была уступить.

Итак, план, выгодный правительству России, был принят и согласован с союзной Австрией. Весьма интересен в этом отношении один документ – высочайший рескрипт командующему армией генерал-фельдмаршалу А. Б. Бутурлину от 8 марта 1761 г., в котором раскрыта прелюдия выработки решения плана и перипетии его утверждения. Как следовало из этого рескрипта, план, основанный на ведении боевых действий основными силами в Померании, был отменен, и вместо него был принят новый – с противоположным главным направлением похода армии – в Силезию, на Бреславль. Сюда же наложился уже рассмотренные внешние обстоятельства,

связанные с Австрией, – желанием поддержать австрийскую армию, а этим и само руководство этой страны в его решимости продолжать войну.

Но чем была вызвана постоянная приверженность руководства к проведению совместных боевых действий главных сил русской и австрийской армий? И это весьма важное обстоятельство, без объяснения которого все происходившее при соединении русской и австрийской армии, если следить только за внешней фабулой событий, представляется как бессмысленная, повторяющаяся из года в год трата времени, сил и ресурсов, не приводившая к каким-либо значимым результатам, никаким образом не раскрыто в исторической литературе. Все это объясняется «австрийским влиянием» на руководство России, что, как видим, не соответствует действительности. Частично проливают свет на этот вопрос слова императрицы Елизаветы в упомянутом рескрипте от 14 августа, где в числе прочего осуждалось желание Бутурлина двинуть армию из Познани в Померанию, а лишь потом в Силезию: «Хотя взятие Кольберга нам на сердце и лежит (курсив наш. – Ю. П.), но мы никоим образом не связываем его с вашими действиями» [там же]. То есть, несмотря ни на что, императрица считала, что поход в Силезию для проведения совместных операций против пруссаков с австрийскими войсками является приоритетным направлением для русской армии. И как видим, это направление выбиралось российской стороной по ее инициативе, причем с оказанием давления на Австрию. Одна из причин этого, указываемая во многих документах тех лет, обуславливалась такой необходимостью, как демонстрация верности союзническим обязательствам и непреклонности в достижении поставленных целей. Она была призвана поддержать решимость Австрии

в продолжении войны: «...да и обстоятельства требуют близости нашей армии подкрепить его силы и собственно твердость сего двора (Венского. – Ю. П.) ободрить» [там же]. Но дело заключалось и в других, более глубоких причинах. Австрия была естественным союзником России и на юге – Османская порта являлась потенциальным противником для обеих стран. Поэтому и союз России и Австрии рассчитывался на длительную перспективу: не только на борьбу с Пруссией, но и на продолжение сотрудничества в неминуемой схватке с другим общим врагом – Турцией.

Несмотря на смену приоритета места проведения основных операций, в результате выстраданной на основе опыта прошлых кампаний необходимости для русской армии одновременно действовать на двух направлениях, на одном из них оставался конечной целью захват Кольберга. Но хотя это направление и было указано в плане кампании, ему отводилась вспомогательная роль. Поэтому здесь было решено использовать все оставшиеся силы армии, не привлеченные к походу в Силезию. Оба направления боевых действий в эту кампанию, Силезия и осада Кольберга, по мнению императрицы Елизаветы, были должным образом взаимосвязаны и обеспечивали скорейший разгром противника: «Но понеже главные операции нашей армии будут не в Померании, но в Силезии, а есть ли б и пришла наша армия мимоходом в Померанию, то сие учинится толко в таком намерении, чтоб неприятеля сею диверсиею разделить. И разделяя с помощью Божию побить» [2, л. 1].

Но лето проходило без сколь-нибудь значимых результатов в действиях русской и австрийской армий, хотя имелись и реальные возможности к проведению более успешных операций против прусских войск. Вся горечь от крушения радужных надежд на выполнение далеко идущих замыслов императрицы, с беспощадной ясностью открывшихся удручающих перспектив во внешней политике и во взаимоотношениях с союзниками, выразилась в высочайшем рескрипте от 14 августа 1761 г., подписанном императрицей [3, с. 584]. Чтобы как-то исправить положение, А. Б. Бутурлину предписывалось идти в направлении Франкфурта, занять Берлин и далее следовать в Померанию для размещения на зимних квартирах [там же]. Но, как показали дальнейшие события, действия армии под командованием Бутурлина ни к каким результатам не привели, а, вернее, подвигли к одному – перспективе невозможности для России заключить мир на выгодных для себя условиях со всеми вытекающими последствиями. В связи с этим взятие Кольберга приобретало решающее, стратегическое по своим последствиям значение как для России, так и для других стран-союзниц. Итак, постоянно стоявшая перед руководством страны и армии

дилемма – выбор в качестве главного одного из двух направлений ведения боевых действий – решилась в пользу сторонников овладения Кольбергом. Причем произошло это без всякого усилия с их стороны, как естественная реакция на постоянно повторяющуюся в течение нескольких лет безрезультатность совместных операций русских и австрийских войск. От взятия Кольберга стал зависеть результат не только кампании, но и всей войны.

Как же складывалась ситуация на этом направлении? Еще перед началом кампании обстоятельства, связанные с анализом неудачи под Кольбергом, склонили мнение Конференции к принятию принципиального решения, учитывавшего ошибки прошлого года. Оно заключалось в привлечении к участию в операции в качестве основных сил десанта боеспособных кадровых частей армии. В высочайшем указе от 27 апреля 1761 г., в котором ставились задачи по окончательной подготовке флота к выходу в море, это решение и нашло свое отражение [1, л. 356, 357]. Конкретное же воплощение в жизнь задуманного происходило по мере дальнейших приготовлений к грядущей операции. В соответствии с решением императрицы для этой цели в Померанию должен был вступить корпус, базировавшийся на реке Висле, где должны были остаться только караулы при складах и больные. В составе корпуса должно было находиться более 20 тысяч бойцов. Этот корпус, по словам командующего армией генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина, «и кроме взятия Кольберга может знаменитые показывать услуги и неприятелю делать сильную диверсию». Бутурлину предписывалось самостоятельно выбрать командиром этого корпуса «надежно и искуснаго генерала» [4, с. 728].

Задачей этого командира, кроме действий в Померании, должно было быть наблюдение за безопасностью тыла действующей армии на реке Висле, и, самое главное, ему поручалось «...когда флот из Российских портов в море выйдет, идти навстречу к оному под Кольберг, десант облегчать и при осаде командовать» [там же, с. 727]. После «общего с дивизионным генералитетом совета» Бутурлин решил назначить на эту должность одного из опытнейших генералов П. А. Румянцева. В своей инструкции командиру корпуса от 8 мая 1761 г. Бутурлин дал объективную оценку прошлых неудач под Кольбергом [там же, с. 728]. Части, которые предлагалось привлечь к боевым действиям в Померании и под Кольбергом, имели высокую боеспособность, а их личный состав (как офицеры, так и солдаты) имел большой боевой опыт. Но усилий одних сухопутных войск для успеха задуманного, по взвешенной оценке Конференции и самой императрицы, было явно недостаточно: «Как предприемлемая осада... не может иначе предпринята быть как по прибытии флота под Коль-

берг и по соединении с Вашим корпусом имеющегося на нем войска и осадной артиллерии» [там же].

Без тесного взаимодействия и помощи флота успех задуманного расценивался как проблематичный. Поэтому Бутурлин еще до получения командиром корпуса соответствующих указаний от Конференции решил обратить особое внимание П. А. Румянцева «...предварительно для сего и для облегчения от вас десанта, главное дело в том состоит, чтоб вашему сиятельству с командиром флота сношение иметь и потому точные известия получать, где и когда оной по выступлении своем... находиться будет, не меньше же благовременно ведать, сколько на оном войска, артиллерии каких калибров, ее ж амуниции и припасов, також иногда и лошадей» [там же, с. 729]. Для этого предписывалось создать особую систему связи с флотом. Появлявшаяся мобильность корпуса, не связанного с необходимостью вести с собою все необходимое для штурма, позволяла быстро пресечь все вражеские коммуникации, ведущие к крепости. А сосредоточение всей власти в одних руках позволяло создать эффективное управление как имеемых, так и прибываемых с флотом сил без всяких исключений: «...когда флот к Кольбергу прибудет и десант сделается, то имеете вы не только всеми сухопутными на флоте привозимыми войсками, но и всеми морскими на берег высаживаемыми солдатами и гранодерами, соединяя с вашим корпусом, командовать» [там же, с. 733]. При таких предпринимаемых мерах и обширной подготовке, проведенной заранее, командование рассчитывало, что «...взять Кольбергской крепости не кажется затруднению подвержено быть и состоит в одних только в благоразумных с вашей стороны (Румянцева. – Ю. П.) распоряжениях» [там же].

Высшее военное руководство согласилось с представлением Бутурлина. И в преамбуле секретной инструкции от 8 июня 1761 г. императрица, сообщая новому командующему флотом вице-адмиралу А. И. Полянскому о составе сил, которые было решено привлечь к проведению операции, обратила особое внимание именно на важность вопроса качества войск: «Сверх того и назначенной в сию экспедицию корпус составлен инако, нежели прошлогодней. Вы известны, что отсюда и из Ревеля отправляются более шести тысяч человек, и не собранных людей, а целым полком и баталионами. От главной армии командирован туда генерал-поручик граф Румянцов, а с ним четыре полка драгунских, один гусарской и два казачьих, да рота инженерного полку. И сверх того еще двенадцать баталионов в резерве» [2, л. 2]. По составу сил корпус Румянцева был не только внушительным, но и действительно мобильным и способным быстро передвигаться к намеченному месту операции. Тем самым, хотя неприятель, по данным

разведки, и держал какие-то силы у крепости и готовился к отражению нового штурма, достигалась тактическая внезапность. Особенный эффект достигался в случае согласованного с командованием флота одновременного занятия окрестностей крепости подошедшими войсками и высадкой десанта пехотных частей и осадной артиллерии. Учтя опыт прошлого года и то, что осада крепости Кольберг в 1761 г. поручалась армии, флот должен был оказывать разнообразную помощь сухопутным войскам, поскольку личному составу флота отводилась вспомогательная роль [там же]. Не была забыта и предполагавшаяся помощь от шведов по отвлечению прусских войск: «...а второе не оставим мы при шведском дворе все силы прилагать, дабы оной как можно скорее и серьезнее привел армию свою в движение» [там же].

Во время подготовки к операции уточнялись и предшествующие осаде задачи сил. Флоту в указанной выше секретной инструкции предписывалось после соединения у Ревеля обеих эскадр следовать вначале на гданьский рейд и принять там транспортные суда с погруженной на них в Пиллау осадной артиллерией. Здесь же командующий должен был установить связь с русским посланником Ржичевским и генералом Румянцевым для «точного уведомления куда... со флотом идти и где десант делать» [4, с. 733]. Красной нитью проходила через инструкцию мысль о необходимости тесного взаимодействия между флотом и армией.

На кораблях в это время шла интенсивная подготовка к кампании и предстоящей осаде Кольберга. Подготовка кронштадтской эскадры закончилась проведением 11 и 12 июня депутатского смотра. А накануне, 10 июня, на кораблях было размещено «3976 человек сухопутных войск» [5, с. 614]. Утром 15 июня 1761 г. эскадра «вступила под паруса и пошла к W» [там же]. Через три дня у о. Нарген состоялась встреча с ревельской эскадрой, на кораблях которой находилось 2833 человека, входящих в состав армейских подразделений, перевозимых к Кольбергу. Вечером 1 июля флот вошел на гданьский рейд, где находился три дня, запасаясь свежей водой и устраняя повреждения, полученные во время перехода. 19 июля корабли бросили якоря напротив устья реки Рюгенвальде, где после промера глубин, с 21 июля по 11 августа 1761 г. происходила высадка на берег армейских подразделений. Здесь же сгружалась с гальотов, пришедших вместе с флотом, осадная артиллерия [там же, с. 616]. Отсюда эти части должны были двигаться к Кольбергу на соединение с корпусом Румянцева. Флот перешел к крепости 13 августа, а с 14 августа открытием огня по позициям противника кораблем «Варахаил» и бомбардирским кораблем «Самсон» началось непосредственное участие флота

в осаде Кольберга, продолжавшееся до его ухода 28 сентября. Флот еще более усилился 16 августа, поскольку «в 9 часу утра подошла с моря шведская эскадра из 6 кораблей и 3 фрегатов под флагом контр-адмирала Нильс-Силандер Шольга и бросила якорь подоле нашего флота» [там же, с. 618]. В результате непрерывного обстрела к вечеру 17 августа вражеские береговые батареи были разбиты [6, с. 126]. Корпус Румянцева, овладев к 24 августа частью укреплений перед крепостью, «батареями и ретраншементом», «...лагерем расположился... простирая крыло к самой реке Персант» [2, л. 94]. «С новых высот, которыми мы овладели, – писал Румянцев, – флот... виден, а уповаю, что и с флота также видны наши батареи...» [там же]. Обстрел крепости с кораблей продолжался и дальше. Но эффективность огня по площадям была невысокой, в связи с чем 31 августа Румянцев передает Полянскому просьбу о необходимости производить корректировку артиллерийского огня. Кроме того, Румянцеву стало известно расположение главного порохового погреба неприятеля («в лежащем от моря по правую сторону католическом костеле»), и поэтому он просит проинструктировать соответствующим образом командиров бомбардирских кораблей.

Несмотря на то, что основным силам флота и не пришлось участвовать во взятии Кольберга, без его участия в операции успех вряд ли был бы возможен. Хотя боевые действия под Кольбергом в 1761 г., в том числе и флота, достаточно подробно исследованы [6, с. 106–136], но в этом случае необходимо обратить пристальное внимание на некоторые моменты, наиболее полно характеризующие роль флота в кампании 1761 г. и оставшиеся за рамками вышеуказанного исследования. Первый момент касается непосредственного участия в боевых действиях на берегу личного состава кораблей. Когда возникла необходимость усиления армейских частей, было решено отправить на берег для участия в осаде определенное количество морских служителей, отсутствие которых на кораблях в данной обстановке не привело бы к потере ими боеспособности и срыву поставленных задач. В приказе, отданном вице-адмиралом А. И. Полянским 21 августа 1761 г., были конкретизированы вопросы количества личного состава, снабжения, вооружения и командования десанта [5, с. 609]. А 22 августа «при содействии барказов шведской эскадры свезен с флота десант из 2012 человек солдат и матрос с офицерами под начальством капитана Спиридова, при чем были свезены на берег 51... мортирок и 19 орудий сухопутной артиллерии...» [там же, с. 618]. Подразделения десанта не действовали автономно, а вошли в состав армейских частей, которыми руководили бригадиры Неведомский и Дурново, и самостоятельно решали лишь отдельные задачи

[6, с. 129]. С учетом всех сил, действовавших под Кольбергом (в начале осады около 20 тыс. человек, по мере прибытия подкреплений – до 30 тыс. человек), число участников десанта было невелико и примерно определялось составом полка. Боевая работа десанта длилась недолго, около месяца.

Второй момент, характеризующий роль флота в осаде Кольберга, касается освещения другого аспекта его деятельности, оставшегося в тени описываемых событий, – это тыловое обеспечение армейских частей. Оно, не проявляясь столь наглядно, как участие в боевых действиях, по значимости в ряде случаев значительно превосходило его по масштабам и последствиям. Этот аспект наиболее ярко раскрывается в деловой переписке между Румянцевым и Полянским. Усиление этой деятельности пришлось на начало сентября ввиду резкого обострения обстановки в Померании, связанного с началом реализации противником попытки снятия осады с Кольберга. Флот теперь был вынужден заниматься не только боевым обеспечением корпуса Румянцева, но и преодолением вызванного вышеуказанным обстоятельством ухудшения ситуации со снабжением войск всем необходимым. Уже 8 сентября Румянцев получил из Познани рапорт бригадира Путятин от 5 сентября 1761 г. Путятин, руководивший заготовлением продовольствия и фуража для армии, сообщал о вещах весьма неприятных: «...так пленные и дезертиры объявляют (в дополнение докладом охраны складов. – Ю. П.) яко целый деташемент под команду генерал-поручика Платена (около 20 тыс. человек. – Ю. П.), который нарочно для разорения российских магазинов и соединения в подкрепление находящегося при Колберхе корпуса командирован...» [2, л. 126]. Далее Путятин просил Румянцева об усилении защиты «состоящих на Неце магазинов» и о «недопущении соединения онаго деташемента с Колбергским корпусом» [там же]. Румянцев не был так уверен в замыслах противника, как бригадир, и предполагал иной вариант развития событий: «... ежели ж я получу обстоятельное известие, что сей неприятельский деташемент склонение имеет к реке Висле и которой мне именно от Ея И. В. будет повелено [недопустить]... я должен буду оставить все поиски над неприятелем здесь делать» [там же, л. 125]. Ордер от командующего армией Бутурлина, также датированный 5 сентября 1761 г., в котором сообщалось о складывавшейся обстановке на театре военных действий и планах армии, Румянцев получил 11 сентября [там же, л. 129]. Бутурлин сообщал, что неприятельский корпус, перейдя Одер, устремился в Польшу «для разорения магазинов», идя прямо на Коблин (о занятии которого Румянцеву уже сообщил Путятин). Бутурлин также, как и Румянцев, не был уверен ни в одном из вариантов развития событий: «может стать,

что этот корпус пойдет в Померанию», к Кольбергу [там же]. Но эти предположения о действиях противника ни в коем случае не должны были изменить собственные планы по взятию Кольберга. Бутурлин был готов в случае необходимости идти на помощь Румянцеву со всеми имевшимися в его распоряжении силами [там же].

Понимая, что такое развитие событий повлечет за собой обострение ситуации и приведет к расширению масштабов боевых действий в районе крепости, а следовательно, к увеличению боевых потерь, Румянцев решает эвакуировать имевшихся при корпусе раненых и больных, подготовив тем самым медицинский персонал к приему новых пациентов. Поэтому в этот же день он обратился к Полянскому с просьбой отправить раненых в Пиллау на гальотах, доставивших продовольствие, обеспечив их соответствующей медицинской помощью и медикаментами [там же, л. 128]. Но за три последующих дня число раненых еще более увеличилось, и 14 сентября Румянцев сообщает Полянскому о большом недостатке необходимых лекарств, а особенно перевязочных материалов: «...особливо холста недостатка стало да и здесь... достать трудно... прошу приказать из состоящей морской аптеки (на боевых кораблях. – Ю. П.) онаго до тысячи (аршин. – Ю. П.) отпустить» [там же, л. 135]. В этот же день указанное количество холста было предоставлено в распоряжение медработников корпуса. Далее Румянцев просил отправить для дальнейшего лечения непосредственно в Петербург обер-офицеров, список которых прилагался, на кораблях, готовившихся к переходу в Кронштадт [там же].

А между тем к Кольбергу подходили войска, шедшие на усиление корпуса Румянцева. «Сейчас получил я рапорт от... генерала лейтенанта... Долго-рукова, что он с дивизиею в подкрепление мне следует и десятого числа реку Варту переходил, но не имеет при себе провианта более как на 4 дня, – писал Румянцев 13 сентября 1761 г. Полянскому, – прошу о выгрузке всего привезеннаго на гальотах провианта и при флоте находящегося... мелкими судами и людьми вспоможение сделать...» [там же, л. 131]. Как всегда, имелась потребность и в приобретении дополнительного продовольствия для войск. Кроме того, существовала необходимость в содержании конского состава, которому требовался и соответствующий корм. Поэтому требовалось периодически проводить соответствующие закупки у местных жителей. Но денег в распоряжении Румянцева было немного, поэтому в тот же день он просит Полянского отпустить половину денежной казны флота, записав переданную сумму на счет Провиантской канцелярии [там же]. Морской полк, входивший большей частью в состав бригады Дурново, также

нуждался в продовольствии, поскольку заканчивались запасы, взятые с кораблей. Наиболее оптимальным вариантом решения возникших сложностей являлась организация питания, принятая в армии, на что Полянский в одном из посланий обратил внимание Румянцева. Проблема была немедленно решена, и Румянцев 15 сентября сообщал по этому поводу следующее: «По требованию Вашего Превосходительства на морскую команду, обретающуюся в ведомстве господина бригадира Дурново, я приказал муки до пятидесять четвертей отпустить, а бригадиру Дурново ордер дан, чтоб приказал в хлебы перепечь, теперь толко осталось мне Вашего Превосходительства благодарить за отпуск холста тысячи аршин, для перевязки болных...» [там же, л. 138].

Ожесточение боев под Кольбергом нарастало, неизбежно встал вопрос о необходимости пополнения боеприпасов в частях корпуса. Их скорейшая доставка к полю боя находилась в прямой зависимости от способов осуществления этой задачи. В связи с этим 15 сентября Румянцев пишет Полянскому: «От дни в день при сражениях с неприятелем и перестрелках патронам из комплекта убыль есть, а в дополнение если требовать из за реки Вислы, то по отдалению сего места времени много пройдет. Теперь ничего к сему болше не нужно, как свинец; я вашего превосходительства всепокорно прошу в корпус мой свинца до трехсот пуд (это 4,8 т! – Ю. П.) с кораблей приказать отпустить...» [там же, л. 137]. Весь этот свинец был переправлен с кораблей на берег, и 19 сентября Румянцев благодарил Полянского за оперативность выгрузки [там же, л. 152]. Необходимость ухода флота в свои базы в момент, когда крепость еще не была взята и никто не знал, как сложатся дальнейшие события, усложняла положение осаждающих. Части Румянцева лишались артиллерийской поддержки кораблей, поэтому надо было организовать такую же интенсивность и плотность огня с осадных батарей на берегу, а для этого требовалось огромное количество боеприпасов для артиллерии. Быстрая доставка их со складов на Висле или морем на транспортных судах в необходимых количествах была невозможна. Поэтому 18 сентября Румянцев в очередном послании Полянскому указывает на необходимость передачи боеприпасов боевых кораблей осадному корпусу. Обращают на себя внимание масштабы этого мероприятия и количество того, что было нужно: «Но как на сих днях флот... и к предприятию осады города Колберха необходимо протребно ядер дватцатичетырех фунтовых “5500”, двенатцатифунтовых “4000”, восмифунтовых “1500”, шестифунтовых “500”, трехфунтовых “2000”, порох пушечной “3500” пуд, мушкетнаго “1500” пуд армяку “3000” аршин. Сие число амуниции вашего превосходительства покорно прошу на оставшихся кораблях и фрегате оставить и сверх

того, чтоб на каждое орудие сих караблей и фрегата по пятидесят выстрелов было...». Кроме того, Румянцев просил для оперативности доставки на берег необходимых видов боеприпасов выдавать их по требованию назначенного офицера – подполковника Миллера [там же, л. 146].

К этому времени ситуация для русских войск под Кольбергом ухудшилась. Несмотря на противодействие и преследование в пути [6, с. 132], корпусу Платена удалось в ночь на 20 сентября 1761 г. пройти к крепости и соединиться с частями под командованием принца Вюртенбергского. Усиление противника потребовало от Румянцева оперативно развернуть операции по отражению вражеских усилий снять осаду, в частности, таких, как прерывание коммуникаций и срыв снабжения. Появилась срочная потребность в боеприпасах, которые сутки назад предполагалось временно складировать на остающихся кораблях и по мере надобности выдавать. Из письма Румянцева от 19 сентября 1761 г.: «...а для себя испрашиваю от вашего превосходительства, чтоб приказали артиллерийские припасы, о которых я вчерашнего числа... письмом просил, и число в том написанное на берег згрузить и в сверх того, чтоб на караблях и фрегате... на каждое орудие по пятидесят зарядов оставить...» [2, л. 152]. И эта просьба сразу же начала выполняться, и в кратчайшие сроки боеприпасы были переданы по назначению. Румянцев счел необходимым отметить проделанную моряками работу: «Вчерашнего дня (21 сентября. – Ю. П.) с особливим удовольствием честь имею получить и за сделанное оным всем распоряжениям и в прочем всеудовольствие артиллерийскими припасами мое благодарение приношу» [там же, л. 149].

Кроме вышеуказанных, на флот было возложено еще несколько ответственных задач. Одна из них, поставленная Румянцевым флоту еще 26 августа [там же, л. 100], касалась нарушения и пресечения в возможной степени подвоза всего необходимого как в крепость, так и к находившимся недалеко от нее прусским войскам, в том числе и морем, и по дороге, проходившей вдоль береговой черты. Но эта задача не всегда решалась, что, конечно же, способствовало продолжению сопротивления крепости. И свое неудовольствие такой постановкой дела Румянцев выразил 22 сентября в обращении к командованию флота: «Сожалетельно... что вчерашнего числа у востовой стороне ни одного карабля и фрегата не примечено, которые б идущему неприятелскому береговою дорогою обозу препятствие делали...» [там же, л. 149]. Во время боевых действий наши войска захватывали в плен довольно значительное число военнослужащих противной стороны. А поскольку содержание и охрана пленных на берегу требовала большого количества сил и средств, то Румянцев отправлял их на корабли.

Например, 17 сентября туда были перевезены 1 унтер-офицер и 13 рядовых и, соответственно, 18 сентября – 2 офицера и 29 рядовых [там же, л. 144, 147]. Хотя обстановка под Кольбергом и усложнилась, но ввиду необходимости убытия флота в свои базы Румянцев 19 сентября принял решение о дальнейшем использовании личного состава корабельного десанта: «...что же касается до морских служителей и салдат оных, я сего числа посланным господину бригадиру Дурново ордером приказал спустить всех на карабли...» [там же, л. 152]. Но фактически в силу ряда причин, в том числе начавшегося 20 сентября и длившегося несколько суток шторма, служители возвращались несколькими группами и не сразу, а вплоть до 27 сентября, когда «прибыл с берега на корабль “Св. Андрей Первозванный” капитан Спиридов», командовавший десантом [5, с. 620]. Причем «из числа десанта 618 человек при морских офицерах остались в лагере» [там же]. А 28 сентября «в 5 часу утра флот снялся с якоря и в числе 14 кораблей пошел к NO» в свои базы [там же]. Для помощи войскам на некоторое время у Кольберга была оставлена «малая соединенная эскадра» в количестве трех российских и двух шведских кораблей под общим руководством командира одного из них – капитана Гегерса [2, л. 149]. Это соединение находилось у Кольберга до 7 октября. Боевые действия после этого продолжались еще почти два месяца. В результате целеустремленных и эффективных операций против прусских войск в районе крепости осада завершилась успехом – 5 декабря ее гарнизон капитулировал.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы. Конференция приняла решение использовать в новой операции по взятию Кольберга в качестве основных сил десанта армейские части, а личный состав флота привлекать к выполнению дополнительных задач в составе вспомогательных подразделений. В качестве главных сил, привлекаемых к операции, был выделен корпус, сформированный из частей, оставляемых на реке Висле для охраны тыла армии, имевших высокую боеспособность и боевой опыт. Проведение операции было возложено на одного из опытных генералов – П. А. Румянцева, которому поручалось и оперативное руководство флотом, прибывающим к Кольбергу. Эта мера позволяла создать эффективное управление всеми силами, что должно было способствовать успеху операции. Быстрое передвижение к Кольбергу, занятие исходного положения и развертывание в боевой порядок войск, выделенных для проведения операции, способствовало достижению оперативной внезапности. Это было достигнуто и тем, что все необходимое для проведения осады – тяжелая артиллерия, средства ее перевозки, специальное имущество – прибыло не вместе с войсками, а было погружено на корабли и вместе со специально

выделенными армейскими частями доставлено в назначенное время в район крепости.

Между руководителем операции П. А. Румянцевым и командующим флотом А. И. Полянским установилось необходимое деловое сотрудничество, что также положительно сказалось в дальнейшем. Фактически на флот было возложено обеспечение указанной операции, направленное на поддержание боеспособности сил осадного корпуса и создание благоприятных условий для успешного выполнения стоявших перед ним задач. Практически с момента подхода флота к Кольбергу для поддержки своих войск началось ведение артиллерийского огня по позициям противника на побережье и в крепости. Артиллерийская поддержка продолжалась вплоть до ухода кораблей в свои базы, так как являлась одной из основных задач, поставленных флоту по содействию осадному корпусу. Для участия в осаде из числа личного состава кораблей был сформирован десантный отряд, по численности соответствовавший полку (2012 человек), но по сравнению с общим количеством войск это число было невелико. Подразделения десанта вошли в состав армейских частей, но их боевая деятельность, хотя и положительно оцененная командованием, длилась недолго, около месяца, в связи с необходимостью возвращения на корабли. Кроме указанных, на флот была также возложена задача по прерыванию вражеских коммуникаций как в море, так и в прибрежной полосе. И если первая из них решалась успешно (фактически была установлена блокада Кольберга со стороны моря), то вторая задача выполнялась не всегда, в том числе и по вине флота.

Но боевое обеспечение сил флота осадного корпуса совершенно скрыло другой аспект его деятельности, не столь эффектно проявившийся, но роль которого, на наш взгляд, была не менее, а даже более важной в проведении операции. Эта деятельность была связана со снабжением армейских частей всем необходимым для ведения боевых действий. Быстрое изменение обстановки у стен крепости из-за усиления противника потребовало возмещения быстро расходуемых оружейных и артиллерийских боеприпасов в подразделениях корпуса. И если бы не оперативная

подача огромного количества боеприпасов различного назначения непосредственно войскам с кораблей, то из-за невозможности быстрого подвоза необходимого их количества со складов, находившихся весьма далеко, перед корпусом открывалась перспектива поражения.

Кроме того, наличие большого числа раненых и больных требовало значительного запаса медикаментов и перевязочного материала, которыми войска не располагали. Поэтому передача необходимого количества медицинского имущества в распоряжение армейских медиков, а также помощь собственного медперсонала флота в организации лечебного процесса наряду с эвакуацией раненых на кораблях в тыловые госпитали способствовали поддержанию необходимого уровня боеспособности. Не следует также забывать обеспечение подвоза транспортными судами продовольствия и организацию передачи его армейским частям. Можно сказать, что использование различных штатных запасов, имевшихся на кораблях, позволило флоту оперативно и успешно выполнить в интересах армии задачи тылового обеспечения, без решения которых операция по взятию Кольберга была обречена на провал. Силы и средства, сосредоточенные на кораблях, за счет которых выполнялись эти задачи, позволили непосредственно самому флоту стать огромной тыловой базой для действующих войск и способствовать как их боевой устойчивости, так и последующему успеху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 22.
2. Российский государственный архив Военно-морского флота. – Ф. 212. – Оп. 1761 г. – Д. 33.
3. *Соловьев С. М.* Сочинения. История России с древнейших времен : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М., 1993. – Кн. XII, т. 23–24.
4. Семилетняя война. Материалы о действиях русской Армии и Флота в 1756–1762 гг. – М., 1948.
5. Материалы для истории русского флота : в 17 ч. – СПб., 1883. – Ч. X.
6. *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне / Н. М. Коробков. – М., 1946.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина
Попов Ю. М., кандидат исторических наук, капитан
I ранга, старший преподаватель
E-mail: bars9713@rambler.ru

Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin
Popov Yu. M., Candidate of Historical Sciences, 1st Rank
Captain, Senior Teacher
E-mail: bars9713@rambler.ru